

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-48-58>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В СОВЕТСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К НЮРНБЕРГСКОМУ ТРИБУНАЛУ

Николай Андреевич Маслов

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 664011,

Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4

maslovna@mail.ru

Аннотация

С точки зрения стилистических требований к юридическим документам советская документация, в которой отражена подготовка к Нюрнбергскому трибуналу, – явление уникальное. В ней преступления немецко-фашистских захватчиков и руководителей фашистской Германии описаны ярким, образным, эмоциональным языком. Достигалось это посредством использования слов и словосочетаний, при образовании которых применялись художественные средства выразительности языка и отдельные специфические виды лексики. Подобное, как правило, не характерно для правовых актов и является интересным примером исключения из общих правил. С этой позиции указанная документация никогда не анализировалась. В работе использованы взгляды современных ученых, занятых в области юридической техники и лингвистики. Думается, что подобный методологический подход имеет значительный эвристический потенциал. По итогам исследования сделан вывод о том, что эмоциональный стиль анализируемой документации был порожден рядом объективных обстоятельств.

Ключевые слова: Нюрнбергский трибунал; советская юридическая документация; правила юридической техники; стиль правового акта; метафора; эпитет; архаизмы.

Для цитирования: Маслов Н. А. Некоторые особенности лексических единиц, использованных в советской документации при подготовке к Нюрнбергскому трибуналу // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 48–58. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-48-58>

Research Article

SOME FEATURES OF THE LEXICAL UNITS USED IN THE SOVIET DOCUMENTATION IN PREPARATION FOR THE NUREMBERG TRIBUNAL

Nikolai A. Maslov

Irkutsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
4 Nekrasova St., Irkutsk, 664011, Russia
maslovna@mail.ru

Abstract

From the point of view of stylistic requirements for legal documents, the Soviet documentation, which reflects the preparations for the Nuremberg Tribunal, is a unique phenomenon. In it, the crimes of the Nazi invaders and the leaders of Nazi Germany are described in vivid, imaginative, emotional language. This was achieved through the use of words and phrases, in the formation of which artistic means of expressive language and certain specific types of vocabulary were used. This is usually not typical for legal acts and is an interesting example of an exception to the general rules. From this point of view, the specified documentation has never been analyzed. The work uses the views of modern scientists involved in the field of legal technology and linguistics. It seems that such a methodological approach has significant heuristic potential. Based on the results of the study, it was concluded that the emotional style of the analyzed documentation was generated by a number of objective circumstances.

Keywords: Nuremberg Tribunal; Soviet legal documentation; rules of legal technique; style of legal act; metaphor; epithet; archaisms.

For citation: *Maslov N. A. Some Features of the Lexical Units Used in the Soviet Documentation in Preparation for the Nuremberg Tribunal. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 2, pp. 48–58. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-48-58>

Введение

В данной работе анализируются особенности лексических единиц (слов и словосочетаний), посредством которых в советской документации, посвященной подготовке к Нюрнбергскому процессу, описываются преступления немецко-фашистских захватчиков и руководства нацистской Германии. Данные лексические единицы имеют очень яркую эмоциональную окраску, что для правовых актов не характерно. Им, наоборот, присущ спокойный, нейтральный и даже эмоционально-холодный стиль. Думается, что эмоциональная выразительность, свойственная указанной документации, – явление уникальное, которое существовало в определенных временных рамках. Нижней границей исследуемого периода следует считать конец 1941 г. В это время появляются первые дипломатические документы советского правительства, в которых дается международно-правовая оценка действиям немецко-фашистских захватчиков. К примеру, 25 ноября 1941 г. была издана Нота Народного комиссара иностранных дел «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» [1]. Верхняя граница исследуемого периода определяется завершающим этапом войны. В это время документация, посвященная предстоящему военному трибуналу, приобретает спокойный, уравновешенный тон. В качестве примеров можно привести Справку НКВД СССР о Лондонской комиссии по расследованию военных преступлений [2] и Протокол состоявшегося 3 мая 1945 г. Совещания представителей СССР, США и Великобритании по вопросу о наказании главных военных преступников [3].

Анализируемые в работе документы нельзя назвать какими-то отдельными случаями, единичными примерами отступления от сложившихся правил юридической техники, поскольку их очень много. При этом по характеру правовой информации они относятся к совершенно различным видам. Конечно, преобладают разного рода международные договоры СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции, официальные заявления советской стороны, дипломатические ноты и иные документы дипломатической переписки, итоговые документы международных переговоров и пр. Кроме того, имеются нормативные правовые акты СССР. Также к анализируемой документации относятся распорядительные и информационно-справочные документы Наркомата иностранных дел СССР. Таким образом, данная работа основана на обширном эмпирическом материале.

Следует пояснить еще один методологический момент. В статье исследуемая документация проанализирована с учетом современных представлений о юридической технике. Можно ли такой анализ считать корректным? Думается, что свобода научного творчества и принцип методологического плюрализма позволяют исследователю использовать любой методологический инструментарий, дающий новые и достоверные знания. Кроме того, даже беглый обзор советской юридической документации в целом позволяет утверждать, что анализируемое требование к стилю юридической документации советские юристы знали и применяли на практике. Поэтому вопрос о том, почему в конкретный исторический период и применительно к составлению юридической документации на конкретную тему это требование нарушалось, является весьма интересным.

1. Исследуемые лексические единицы с точки зрения требований к стилю юридической документации

В юридической литературе давно подмечено, что официальный стиль правовой документации предполагает отсутствие какой-либо эмоциональной выразительности. К примеру, Т. В. Кашанина наряду с иными особенностями стиля юридической документации указывает на такие, как строгость стиля, его нейтральность, беспристрастность, отсутствие какой-либо оригинальности и резко стилиевой индивидуальности, сдержанность и даже эмоциональная холодность, а также отсутствие образных сравнений [4, с. 123]. Отсутствие эмоциональной выразительности является общим правилом, применяемым при составлении любой юридической документации. Однако в любом правиле можно найти исключения. Думается, что подобным исключением можно считать практику составления советской документации, в которой отражается подготовка к Международному военному трибуналу для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», проходившему в городе Нюрнберг с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. В анализируемой документации используются крайне интересные лексические единицы. К примеру, в Заявлении Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы, от 14 октября 1942 г. (далее – Заявление Советского правительства от 14 октября 1942 г.) уже в самом названии и тексте документа можно встретить такие слова и словосочетания, как «злодеяния», «неслыханные злодеяния», «злодейские преступления», «зверства», «чудовищные зверства», «зверские насилия», «разбойничьи империалисты», «бесчеловечные и разбойничьи действия», «чудовищные злодеяния» и пр. [5, с. 1]. Нетрудно заметить даже без детального анализа, что приведенные слова и словосочетания имеют довольно значительный эмоциональный заряд. Отдельного внимания заслуживает лексика, используемая в данном документе для обозначения руководства фашистской Германии. В отношении этих лиц использованы такие словосочетания, как «преступное гитлеровское правительство», «главари преступной гитлеровской клики», «главари преступной гитлеровской шайки», «шайка оголтелых убийц» и пр. [5, с. 1]. Приведенные лексические единицы очень эмоциональны, хлестки и выразительны настолько, насколько это может позволить нормативная лексика.

Приведенные выше лексические единицы, а также подобные им встречаются в указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. № 160/17 «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» [6] (далее – Указ Президиума Верховного Совета СССР № 160/17), в принятой на Московской конференции (19–30 октября 1943 г.) Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства [7], а также в других международно-правовых актах, подписанных СССР, и обширной дипломатической переписке советской стороны с союзниками.

Исследуемая лексика, получив легальное закрепление в официальной документации, тут же проникла в научную литературу. Профессор А. Н. Трайнин в 1944 г.

опубликовал уникальную монографию под названием «Уголовная ответственность гитлеровцев» [8]. Данное произведение смело можно назвать первым научным трудом, в котором приводится системное изложение взглядов советского руководства и советских юристов на вопрос об уголовной ответственности немецко-фашистских захватчиков. На страницах данной работы имеются объемные выдержки из Заявления Советского правительства от 14 октября 1942 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР № 160/17 и другой документации, которые содержат исследуемые лексические единицы [8, с. 4–6]. Но и сам автор выражался в аналогичном духе. В частности, он писал: «Вопрос об уголовной ответственности гитлеровцев за совершенные ими *злodeяния* имеет таким образом огромное значение; он приобрел исключительную актуальность, так как *чудовищные злodeяния гитлеровских палачей* возбудили жгучую и неутолимую ненависть, жажду сурового возмездия в сердцах всех честных людей мира, в миллионных массах всех свободолюбивых народов [курсив наш. – Н.М.]» [8, с. 6].

Как видно из сказанного, исследуемая лексика действительно отличается своей эмоциональной экспрессией, что не типично для юридической документации. В связи с этим интересен вопрос о том, каким образом и с применением каких языковых средств удалось добиться такой эмоциональности. Также интересен вопрос о допустимости использования данных средств в правовых актах.

2. Исследуемые лексические единицы с точки зрения языкознания

Необходимо сразу оговориться о том, что данная статья не является попыткой всестороннего лингвистического анализа лексических единиц, использованных в советской документации при подготовке к работе Нюрнбергского трибунала. Это дело науки языкознания. При этом думается, что результаты подобного исследования вполне могли бы уместиться на страницах целой монографии. Однако полностью избежать лингвистической проблематики в рамках данной работы невозможно. Тем более что в юридической науке имеются свои представления о возможности использования в юридических текстах тех или иных языковых средств.

При образовании исследуемых лексических единиц использованы стилистические приемы, которые в лингвистике называют тропами. Термин «троп» имеет греческое происхождение и в дословном переводе означает «оборот», «поворот» [9, с. 79]. Чаще всего использован такой троп, как метафора. Данный стилистический прием заключается в употреблении слова или выражения в переносном значении [10, с. 351]. При этом такое употребление основано на аналогии, сходстве и сравнении явлений [10, с. 351]. К примеру, проанализируем такие лексические единицы, как «зверства», «чудовищные зверства», «зверские насилия». В русском языке слово «зверство» в переносном смысле обозначает бесчеловечный поступок, жестокость [10, с. 230]. Конечно, немецко-фашистские захватчики были людьми, но их поведение на оккупированных территориях иначе как зверствами назвать нельзя. Или, например, возьмем слова «главари», «клика», «шайка», использованные по отношению к руководству гитлеровской Германии. Слово «главарь» обозначает зачинщика, руководителя, вожака преступной группы или преступного сообщества (например, главарь шайки) [10, с. 134]. Слово «клика» является синонимом слов

«шайка» и «банда», имеет французское происхождение и обозначает «группу людей, стремящихся любыми средствами достигнуть каких-либо корыстных, неблагоприятных целей» [11, с. 311]. Под просторечным и неодобрительным словом «шайка», как уже ясно из сказанного, обозначается преступная группа лиц [10, с. 888]. Эти слова явно происходят из художественной и публицистической литературы. И используются они для описания деятельности разного рода преступных групп и их руководителей. Однако в приведенной советской документации они обозначают руководство целого государства.

Надо сказать, что отношение к метафорам в юридической науке неоднозначно. Мнения исследователей о возможности их использования в юридической документации разделились. Одни ученые считают, что метафоры по причине их эмоциональной выразительности не могут быть использованы в юридической документации. К примеру, Т. Н. Москалькова и В. В. Черников, говоря о языковых и стилистических требованиях к тексту нормативного правового акта, пишут: «...из текста должны быть исключены образные сравнения, гиперболы, метафоры, аллегории и другие пышности и «красоты» разговорной речи, художественного или научного произведения, эмоционально-экспрессивных языковых средств» [12, с. 251]. Другие же ученые придерживаются точки зрения, согласно которой при определенных обстоятельствах использование метафор в юридической документации допустимо. Так, В. М. Баранов и Н. А. Власенко по этому поводу высказываются следующим образом: «К метафоре в юриспруденции желательно прибегать лишь тогда, когда не хватает имеющегося технико-юридического арсенала. Она уместна там и тогда, когда без нее невозможно с надлежащей точностью отобразить содержание и формы функционирования юридически значимой деятельности, привлечь внимание к линиям взаимодействия предмета законодательной регламентации со смежными областями, подчеркнуть особую ценность правовой новации, объяснить необходимость изменения правовой политики» [13, с. 17]. Приведенные в работе примеры лексических единиц иллюстрируют последнюю точку зрения. И, учитывая ряд обстоятельств, их можно считать уместными (далее об этом подробнее).

Кроме метафор в образовании исследуемых лексических единиц часто используются эпитеты. Эпитет – это еще одна разновидность тропа [14, с. 75]. В лингвистике под эпитетом понимается «определение, ярко и образно характеризующее предмет речи» [9, с. 79]. Очевидно, что эпитеты присутствуют в таких лексических единицах, как «*неслыханные злодеяния*», «*злодейские преступления*», «*чудовищные зверства*», «*зверские насилия*», «*разбойничьи империалисты*», «*бесчеловечные и разбойничьи действия*», «*чудовищные злодеяния*», «*главари преступной гитлеровской клики*», «*главари преступной гитлеровской шайки*», «*шайка оголтелых убийц*», «*нацистская Германия*», «*фашистская германия*» и пр.

К эпитетам в юридической науке и практике гораздо более благосклонное отношение, чем к метафорам. Они всегда встречаются в устной речи юристов и наряду с другими стилистическими приемами детально исследуются и учеными-юристами, и филологами [9, 14]. Кроме того, несмотря на распространенное мнение о недопустимости использования в юридической документации средств художественной выразительности, они все-таки в нее проникают. В частности, Уголовный

кодекс РФ (далее – УК РФ) содержит множество терминов, в которых присутствуют эпитеты. Речь идет о таких словосочетаниях, как «веские доказательства», «тяжкие преступления», «обстоятельства, отягчающие наказание», «обстоятельства, смягчающие наказание» [9, с. 80].

Исследуемые лексические единицы имеют еще одну характерную черту. Многие из них образованы от слов, относящихся к весьма специфическим видам лексики. Например, словосочетания «разбойничьи империалисты», «немецко-фашистские захватчики», «фашистские захватчики», «главари фашистской Германии» [15, л. 2] образованы от таких сложных политических и даже политологических терминов, как «империализм» и «фашизм». Не вдаваясь в смысл обозначаемых ими понятий, укажем лишь на то, что четкое научное представление о нем в исследуемый период имели, наверное, только специалисты в сфере общественных наук. Поэтому их можно считать словами-профессионализмами. Едва ли рядовой обыватель тех лет мог дать исчерпывающую научную характеристику этим явлениям. Хотя историческим фактом является то, что советское правительство в рамках политической пропаганды заботилось о разъяснении населению этих понятий. Вместе с тем постоянное употребление этих терминов в негативном ключе и имеющиеся перед глазами ужасы войны давали советскому человеку четкое понимание о том, что фашизм является поистине бесчеловечной идеологией. Таким образом, осмысление указанных понятий происходило не столько разумом, сколько живым человеческим опытом. И в конечном счете эта терминология в сознании людей тоже получила эмоциональный заряд. В нашей стране до сих пор слово «фашизм» и производные от него вызывают резко негативную реакцию.

Такие словосочетания, как «чудовищные злодеяния», «неслыханные злодеяния», «злодейские преступления», «разбойничьи империалисты» и «разбойничьи действия», образованы соответственно от архаизмов «злодеяние», «злодей», «разбойник» и «разбой». В юридическом лексиконе архаизмы, может быть, не так часто, но все-таки встречаются, особенно в уголовно-правовой лексике. Поэтому их использование в исследуемой документации – явление нормальное. Однако юридическая наука выработала несколько правил, соблюдаемых при использовании архаизмов. Согласно одному из них архаизмы, насколько это возможно, необходимо беречь и не допускать их замены синонимами, поскольку они являются носителями правовых и общекультурных ценностей [16, с. 79]. Как известно, в УК РФ термин «разбой» до сих пор содержится [17, ст. 162], и законодатель не видит причин для его замены. И если уж в современной действительности данное слово используется, то и для исследуемого периода оно допустимо. Хотя производные от него словосочетания «разбойничьи империалисты» и «разбойничьи действия» воспринимаются по-иному, несколько ярче, если так можно выразиться. Словосочетания «неслыханные злодеяния», «злодейские преступления» тоже имеют эмоциональную экспрессию. И можно сделать вывод о том, что указанные архаизмы при образовании данных словосочетаний также использованы в целях предания им более сильной эмоциональной окраски.

Как видно из сказанного, исследуемые лексические единицы образованы с помощью таких стилистических приемов, как метафора и эпитет. Кроме того, при их

образовании использована политическая терминология и слова-архаизмы. Указанные языковые средства редко встречаются в правовой документации. И именно они в совокупности придают исследуемым лексическим единицам их специфический характер.

3. Исследуемые лексические единицы с точки зрения исторических и политических событий

Изложенное выше позволяет утверждать, что анализируемые в работе лексические единицы намеренно использовались в советской документации, посвященной подготовке к Нюрнбергскому процессу. Это было необходимо для придания документам максимального драматического эффекта при их прочтении. Чем же была обусловлена такая необходимость?

Во-первых, бесчеловечные и разрушительные действия немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории СССР производили ошеломляющий эффект как на население, так и на руководство страны. Ничего подобно мировая история не знала. Кроме того, была создана реальная угроза существованию государства. Учитывая это, никакой спокойной и нейтральной лексики события Великой Отечественной войны, тем более ее первых лет, описать невозможно. Поэтому советское правительство, как и население страны, своих эмоций не скрывало.

Во-вторых, значительная часть анализируемой документации адресована союзникам по антигитлеровской коалиции и, по всей видимости, была призвана побудить их к исполнению союзнических обязательств.

В-третьих, Нюрнбергского процесса могло и не быть. И это, наверное, главная причина использования в документации, адресованной союзникам, столь эмоциональной лексики. Она должна была их убедить в необходимости дать юридическую оценку действиям гитлеровцев и их руководителей. А именно в этом наши основные союзники по антигитлеровской коалиции не были уверены. Правительства США и Великобритании склонялись к точке зрения, согласно которой для наказания руководства нацистской Германии вполне достаточно внесудебного решения [18, с. 241; 19, с. 17]. Советской стороне потребовалось очень много времени и сил, чтобы убедить союзников в обратном. Нам Нюрнбергский трибунал был необходим по политическим и идеологическим причинам. Должно было произойти полное публичное разоблачение нацистских преступников. И эта цель была достигнута. Но, кроме того, Нюрнбергский трибунал оказал колоссальное влияние, как на международное, так и на внутрисударственное право. Очевидно, что внесудебная расправа над главными нацистскими преступниками такого бы эффекта не дала.

Итак, использование в советской документации, посвященной подготовке к Нюрнбергскому процессу, лексических единиц, несущих эмоциональный заряд, было порождено рядом исторических, политических, идеологических и юридических предпосылок.

Заключение

Как видно из сказанного, слова и словосочетания, которые в советской документации, посвященной подготовке к Нюрнбергскому трибуналу, использова-

лись для описания преступлений немецко-фашистских захватчиков, имели свою специфику. Она заключается в крайне эмоциональном заряде и даже драматизме. Такой эффект был достигнут посредством использования уникального набора языковых средств. Прежде всего это метафоры и эпитеты. Также использована сложная политическая лексика и слова-архаизмы. Указанные языковые средства крайне редко используются при подготовке юридической документации. И для каждого из них существует набор правил, только при соблюдении которых, они допустимы. Использование этих языковых средств в комплексе – явление по истине уникальное.

Эмоциональный накал в исследуемой документации был обусловлен целым рядом политических, исторических, идеологических и юридических предпосылок. Главным образом это было нужно для того, чтобы убедить союзников в необходимости проведения судебного процесса над главными военными преступниками стран «оси». И путем ряда дипломатических усилий это удалось сделать.

Пристатейный библиографический список

1. Ноты Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова. М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1942.
2. Справка НКВД СССР о Лондонской комиссии по расследованию военных преступлений // Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 208. Л. 1–3.
3. Протокол Совещания представителей СССР, США и Великобритании по вопросу о наказании главных военных преступников от 3 мая 1945 года // Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 209. Л. 1–4.
4. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника : учебник. М. : Эксмо, 2007.
5. Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы от 14 октября 1942 года // Правда. 1942. 15 окт. (№ 288).
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. № 160/17 «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Ведомости ВС СССР. 1942. № 40.
7. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 1 ноября 1943 год // Архив внешней политики РФ. Ф. 36. Оп. 1. П. 19. Д. 227.
8. *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев / под ред. А. Я. Вышинского. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944.
9. *Зинятова М. Н., Прокопцева Н. В., Кучер И. Р.* Выразительность речи как существенный признак коммуникативной культуры юристов // Психология образования в поликультурном пространстве. 2021. № 2 (54).
10. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. Яз., 1989.
11. Словарь иностранных слов: свыше 21 000 слов / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. Яз. ; Медиа, 2007.

12. *Москалькова Т. Н., Черников В. В.* Нормотворчество : научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2010.
13. *Баранов В. М., Власенко Н. А.* Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2019. № 1 (45).
14. *Шашкова В. Н.* Средства выразительности в речи юриста // *Филологический аспект.* 2022. № 9 (89).
15. Проект ответа Советского правительства на ноты Правительства Великобритании о создании Комиссии Объединенных Наций по нацистским преступлениям от 3 октября и 29 октября 1942 г. // *Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 9–12.*
16. *Юридическая техника : учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко.* М. : Эксмо, 2010.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // *СЗ РФ.* 1996. № 25. Ст. 2954.
18. *Лебедева Н. С.* СССР и Нюрнбергский процесс // *Берегиня.* 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4 (23).
19. *Звягинцев А. Г.* Нюрнберг. Высший суд. М. : Эксмо, 2025.

References

1. Notes of the People's Commissar for Foreign Affairs, Comrade V. M. Molotov. Moscow: OGIZ; Gospolitizdat, 1942. (In Russ.)
2. Certificate of the USSR People's Commissariat of Foreign Affairs on the London Commission for the Investigation of War Crimes. *Archives of Foreign Policy of the Russian Federation*, f. 06, op. 7, p. 20, d. 208, l. 1–3. (In Russ.)
3. Protocol of the Meeting of Representatives of the USSR, USA, and Great Britain on the Punishment of Major War Criminals, May 3, 1945. *Archives of Foreign Policy of the Russian Federation*, f. 06, op. 7, p. 20, d. 209, l. 1–4. (In Russ.)
4. *Kashanina T. V.* Legal Technique: Textbook. Moscow: Eksmo, 2007. (In Russ.)
5. Statement by the Soviet Government on the Responsibility of the Nazi Invaders and Their Accomplices for the Atrocities Committed by Them in the Occupied Countries of Europe, October 14, 1942. *Pravda*, October 15, 1942, no. 288. (In Russ.)
6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of November 2, 1942 No. 160/17 "On the Formation of an Extraordinary State Commission to Establish and Investigate the Atrocities of the Nazi Invaders and Their Accomplices and the Damage Caused by Them to Citizens, Collective Farms, Public Organizations, State Enterprises, and Institutions of the USSR". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1942, no. 40. (In Russ.)
7. Declaration on the Responsibility of the Nazis for the Atrocities Committed, November 1, 1943. *Archives of Foreign Policy of the Russian Federation*, f. 3b, op. 1, p. 19, d. 227. (In Russ.)
8. *Trainin A. N.; Vyshinskii A. Ia. (ed.).* Criminal Liability of the Nazis. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1944. (In Russ.)

9. Ziniatova M. N., Prokoptseva N. V., Kucher I. R. Expressiveness of Speech as an Essential Feature of the Communicative Culture of Lawyers. *Psychology of Education in a Multicultural Space*, 2021, no. 2 (54). (In Russ.)
10. Ozhegov S. I.; Shvedova N. Iu. (ed.). Dictionary of the Russian Language: 70,000 Words. 21st ed. Moscow: Russkii iazyk, 1989. (In Russ.)
11. Burtseva V. V., Semenova N. M. (eds.). Dictionary of Foreign Words: Over 21,000 Words. 4th ed. Moscow: Russkii iazyk; Media, 2007. (In Russ.)
12. Moskalkova T. N., Chernikov V. V. Rule-Making: A Scientific and Practical Guide. Moscow: Prospekt, 2010. (In Russ.)
13. Baranov V. M., Vlasenko N. A. Metaphors in Law: Methodological Danger and Prospects. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (45). (In Russ.)
14. Shashkova V. N. Expressive Means in a Lawyer's Speech. *Philological Aspect*, 2022, no. 9 (89). (In Russ.)
15. Draft Response of the Soviet Government to the Notes of the British Government on the Establishment of the United Nations Commission on Nazi Crimes of October 3 and October 29, 1942. *Archive of Foreign Policy of the Russian Federation*, f. 06, op. 4, p. 14, d. 137, l. 9–12. (In Russ.)
16. Khabrieva T. Ia., Vlasenko N. A. (eds.). Legal Technique: Tutorial on the Preparation of Bills and Other Regulatory Legal Acts by Executive Bodies. Moscow: Eksmo, 2010. (In Russ.)
17. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
18. Lebedeva N. S. The USSR and the Nuremberg Trials. *Bereginya. 777. Sovo: Society. Politics. Economy*, 2014, no. 4 (23). (In Russ.)
19. Zviagintsev A. G. Nuremberg. Supreme Court. Moscow: Eksmo, 2025. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Н. А. Маслов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

N. A. Maslov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 28.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.